

— В томском аэропорту одновременно с моим рейсом на Як-40 до Новосибирска шла регистрация на рейс Ту-154-го до Москвы, и я метался между двумя стойками, мечтая улететь прямо в Москву и надеясь, что окажутся свободные места. Но посадку на новосибирский рейс объявили раньше, рисковать было нельзя, и я полетел, куда мне предписывал мой билет - в Новосибирск. Через час я уже был в новосибирском аэропорту "Толмачёво", вечно переполненном транзитниками и грязном.

— В Москву отсюда мне предстояло лететь на Ту-154 вечером, а сейчас здесь шла регистрация на "Аэробус" - огромный Ил-86, улетающий в Москву через сорок минут. Снова я решил попытать счастья на посадке. Для этого надо было дождаться конца регистрации, которая шла одновременно у трёх стоек и одновременно же шла посадка. Вдруг дверь, через которую зарегистрировавшиеся пассажиры проходили на посадку, закрылась, остальным велели подождать, а минут через 20 по радио объявили, что аэробусный рейс задерживается на четыре часа.

— Торчать здесь теперь не имело никакого смысла, и я решил отправиться в город, которого, собственно, не видел ни разу толком, хотя и был здесь проездом из Иркутска на Алтай в 1971 году, да несколько раз садился в Толмачёво. Можно было бы связаться по телефону с Израилевыми или проехать к Гинзбургу, в обоих случаях приняли бы наверняка радушно, но после очередной бессонной ночи у меня не было никаких сил для общения. Тут подошёл автобус, и через час, который я продремал в кресле, я был у городского агентства Аэрофлота.

— Рядом оказался цирк, похожий на сочинский, по одному проекту, видать, строили. Не раздумывая, я взял билет на дневное представление, которое начиналось через два часа, надеясь, как минимум, посидеть в прохладе, убивая время и спасаясь от жары. Следующей задачей было поесть. Я выбрал на железнодорожный вокзал, огромный, с кучей залов, даже читальным, и там в ресторане меня за три рубля покормили заметно лучше, чем за рубль в студенческом пищеблоке в Томске. К тому же ещё и мороженое на вокзале продавалось.

— От вокзала я сделал довольно большой круг обратно к цирку по распаханному метростроем прилегающему району, ничем кроме этой распаханности и пыли не примечательному, поглазел на верующих старушек, выходящих после службы из действующей деревянной церквушки, расположенной рядом с цирком, и отправился, наконец, на долгожданное представление.

— Изнутри цирк оказался не столь схожим с сочинским, как снаружи. Всё, мягко говоря, попроще, а точнее, - кое-как, тяп-ляп всё сделано. Туалетов, например, нет, один с улицы пристроен и тот хуже привокзальных. Буфетов тоже нет, правда, мороженое продают, я и здесь пару порций съел. Кресла не мягкие, а как в захудалом кинотеатре.

Кондиционирования не чувствуется вовсе, душно. Публика рабоче-крестьянская, одеты сермяжно, лица все какие-то несимпатичные, да простят меня новосибирцы, все почти с маленькими детьми, хнычущими от жары и не получающими от представления никакого удовольствия. Удручающее впечатление. В сравнении с сочинским цирком, конечно. Правда, в фойе целый сад экзотических растений в кадках. От представления ничего не запомнилось. Отсидел я, однако, до конца - куда деваться? На улице ещё хуже.

— Из цирка я на автобус и обратно в Толмачёво. Нашёл место на лавочке, покимарил. Наконец, объявляют регистрацию - на мой рейс и на тот самый аэробусный, который утром должен был лететь. На оба рейса сразу и на всех стойках одновременно, в одну кучу всех. Значит, все вместе полетим. Нетрудно догадаться, как это можно осуществить. Утром, видать, аэробуса не было, но был свободный Ту-154, и на нём отправили тех с аэробусного рейса, кто успел пройти на посадку - отсчитали, сколько влезет в Ту-154, и закрыли дверь, а для остальных - нерасторопных объявили задержку рейса. Теперь всех грузили на появившийся Ил-86: остатки с утреннего рейса и тех, кто, как я, должен был

лететь вечером на Ту-154. Мне такой вариант был на руку - аэробус прилетал не в Домодедово, а во Внуково, откуда мне было гораздо ближе и до ИЗМИРАНа, и до Бирюковых.

— В аэробусе я поспал и тем же вечером, только по московскому уже времени прибыл благополучно во Внуково. Теперь проблема достать билет в Калининград. Новиков звонил из Томска в ИЗМИРАН и просил передать Ситнову, чтобы тот взял мне билет до Калининграда на что сумеет, но Ситнова не было и неизвестно, передали ли ему эту просьбу. Я решил попробовать купить билет на самолёт здесь, во Внуково. Пошёл к кассам. Там жуткая толпа, но я всё-таки встал в очередь, завтра может быть ещё хуже с билетами на ближайшие рейсы, а застревать ещё и в Москве мне несколько не хотелось.

— Встал я в крайнюю кассу, где народу было вроде бы поменьше, но прогадал - в эту кассу ломались без очереди имевшие и не имевшие на это право, так как к другим кассам было просто не подступиться. Многим нужно было только что-то узнать, и они лезли, не взирая на объявление, что касса справок не даёт, ибо к справочному пробиться было ещё труднее, да и многих из тех, кто пробился всё-таки к справочному, оттуда, ничего толком не объяснив, отсылали к кассам, и они, бедные, мотались туда-сюда из зала в зал, совершенно ополоумев. Тут были и с телеграммами, и транзитные, и опоздавшие, и просто желающие сдать билеты, инвалиды и ветераны, гвалт стоял невообразимый.

— От нечего делать, да и чтобы очередь быстрее двигалась, я взялся давать справки как человек многоопытный и разбирающийся в аэрофлотовских порядках, точнее, беспорядках.

— Вам, мамаша, к диспетчеру по транзиту, в первом зале, в самом конце. А Вам к начальнику смены - он штампик поставит на билете, если сдать хотите, только бумажку нужно там одну заполнить, а потом в любую кассу. И Вам туда же, если опоздали, 25% удержат, а новый билет - в порядке общей очереди.

— А ты, дорогой, куда без очереди лезешь? - спрашиваю у маленького молодого кавказца, напирającego слева.

— Мне положено, - угрюмо отвечает тот.

— Чего это тебе положено?

— У меня документ есть.

— Какой ещё документ? Покажи.

— Тот достаёт зелёнькое удостоверение, выданное каким-то грузинским военкоматом. В нём написано, что предьявитель сего приравнивается в правах к участникам войны и пользуется соответствующими льготами. Стоящая рядом толстая тётка, тоже без очереди пытается пролезть, радостно объявляет:

— Это из Афганистана! Сейчас много таких, они там за нас кровь проливают, надо пустить.

— Приходится пускать. К счастью, большинство пролезших много времени у окошка не занимают, так как в конце концов выясняется, что нужных им билетов нет. Вообще, билеты приобретают лишь считанные единицы из толпящихся, да и то не на те рейсы, на которые им хочется. Проходит полтора часа, подходит, наконец, и моя очередь. Билетов, естественно, на Калининград нет на ближайшие 4 дня. Узнать же это, не простояв всю очередь, невозможно, если только ещё кто-нибудь не берёт на Калининград из впереди стоящих - такова система. Но это Внуково, а не Шереметьево, здесь на Калининград почти не берут. Я готов и к такому исходу, привык уже, знал, на что шёл.

— Ну, ладно. Куда теперь? Время - двенадцатый час. К Бирюковым уже поздно, неудобно беспокоить, завтра понедельник - рабочий день. Поеду в ИЗМИРАН, должен ещё успеть на автобус. Мало ли что, вдруг Ситнов билет взял?

— На 511-м, а потом 165-м автобусах добираюсь до Калужского шоссе, собираюсь бежать на самый край Тёплого Стана, к Кольцевой дороге, где остановка 531-го, идущего через Троицк, и вдруг вижу столб с новенькой вывеской, на которой отчётливо выведена цифра 531. Значит, бежать никуда не надо? Остановку перенесли или новую сделали?

Приятный сюрприз. На всякий случай, спрашиваю у прохожих:

___ - Скажите, пожалуйста, 531-й здесь останавливается?

___ - Нет, - отвечают, - там дальше, - и показывают рукой в сторону Кольцевой.

___ - А это что? - показываю я, в свою очередь, на столб.

___ Пожимают плечами. Ладно, будем верить вывескам. Остаюсь ждать здесь. Жду долго. Время полпервого, но автобус ещё должен быть. Кроме меня на остановке больше никого нет. Вообще безлюдно. Почти все автобусы сворачивают куда-то влево, наверное, в парк, но кое-какие проходят мимо, к другим остановкам. Наконец, идёт и левым глазом не мигает. Значит, не в парк. Вглядываюсь, - 531-й. Но и правым глазом он не моргает, идёт, не сбавляя скорости. Я, подняв руку, выскакиваю как сумасшедший на дорогу чуть ли не под колёса ему. Автобус начинает тормозить, я бегу за ним, он останавливается метрах в 20-ти от остановки, я вскакиваю через открывшуюся дверь: - Спасибо! - и спрашиваю у кондукторши:

___ - Тут есть остановка или нет?

___ - По выходным дням.

___ - А сегодня выходной!

___ - Да мы не привыкли тут останавливаться. Так ведь и нет никого.

___ - А я?

___ - Вот Вам и остановили.

___ - Ну, что ж. Ещё раз спасибо.

___ Кстати, сегодня и не выходной уже - понедельник начался. Понедельник, говорят, день тяжёлый, а у меня он с везенья начался. Продолжилось оно и в гостинице. Меня, оказывается, ждут, отдельный номер приготовлен, и дежурная передаёт записку от Ситнова: "Саша, как приедешь, обязательно зайти ко мне домой. Юра." Куда уж теперь заходить - второй час. Завтра зайду с утра. Неужели билет достал? Ладно, спать.

___ Утром просыпаюсь - у кровати сидит Ситнов.

___ - Привет! Который час?

___ - Восемь. Саня, ты на меня не сердись, может, я что не так сделал...

___ - Неужели билет взял?

___ - Да, только не на "Янтарь", на "Янтарь" нет ничего на неделю вперед...

___ - Неважно, молодец, спасибо огромное! На сегодня? Когда поезд отходит?

___ - Через полтора часа.

___ - Ого!

___ Я спрыгнул с постели. Ни побриться, ни поесть я, конечно, не успел. Зато через полтора часа уже катил медленно, но верно в родную Прибалтику, через Клайпеду в Калининград, и утром 19-го июня был, наконец, дома. Спасибо Ситнову!

___ Утомительная была командировка. А всего делов-то на пять минут: отзыв по бумажке зачитать, и за этим полстраны пересёк, рублей 200 командировочных израсходовал. Так устроен этот мир. Зато на Томи порыбачил и с Новосибирском познакомился. Кстати, и писал я там свои записки, в общаге. Не всё бездельничал.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)